

Почему Вознесенский перестал носить галстук...

Андрей Вознесенский и Валентин Серов. 1994 - СССР (№ 36) - с. 3
 Сам поэт лишь недавно увидел эти снимки. И тут же принес их нам. Трудно сейчас поверить, что фотограф, сделавший их, более 30 лет боялся, выжидал. Но, видно, чтобы понять это, нужно было оказаться там, на исторической встрече в Кремле, где вождь "журил" интеллигенцию, и слышать хрущевский ор. Эти фотографии, отрывки стенограмм позволяют совершить экскурсию в это наше еще такое недалекое, но, слава Богу, прошлое.

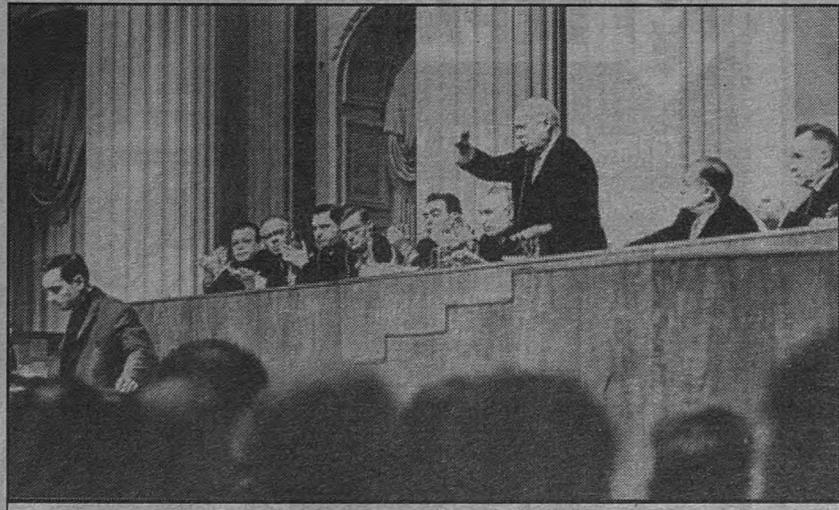
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ:

На днях я получил от фотокорреспондента Сергея Смирнова эти неопубликованные кадры, снятые им в Кремле больше 30 лет назад. К ним он приложил снимки, где я беспечно чаевничаю в редакции за месяц до исторического ора. Тогда я еще был в галстуке.

Случилось так, что я рассматривал эти новые для меня фото, когда шла телепередача сына Берии. Он поведал с экранов, что его добряк-папаша и Хрущев были не разлей вода дружками, почти близнецами, наперегонки старавшимися либерализовать страну, отмыть

мои друзья, любил Хрущева, он был нашей надеждой и иллюзией. Когда же зал, главным образом номенклатурный, с вкраплениями интеллигенции, зааплодировал этому реву - видите, Вучетич даже вскочил с места! - и заскандировал: "Позор! Вон из страны!" (по отношению ко мне, конечно), я счел зал своим главным врагом и надеялся побороть его по стадионной привычке. Не тут-то было! Я продолжал бубнить по тексту. И вдруг, оглянувшись, увидел невменяемую, вопящую рожу генсека. В голове пронеслось: "Да опомнитесь же! Неужели этот припадочный правит

Моя замученная Муза что пела б в лагерном краю?! - потопила меня окончательно. Гробовая тишина, лишь в углу раздались хлопки и захлебнулись. Паники не было, была одна безнадега. И когда премьер завопил в зал: "Агент, агент, иди на сцену!" - я, конечно, решил, что зовет агента безопасности, чтобы меня арестовать. Но взмохший вождь с досадой нацепил свою маску и процедил: "Работайте". Я понял, что пока я спасен, а зал пока не выиграл. Сейчас это нельзя даже понять. И слава Богу. Потом несладко пришлось В. Аксенову и И. Голицыну.

"Господин Вознесенский, вон из страны!"

свои руки от крови. Оба они были освободителями миллионов узников, у обоих были одинаковые программы демократизации, только один другого успел шлепнуть. И остался освободителем в единственном числе.

Не знаю, так ли все было, но вдруг на этих фотографиях мелькнула из-под святочной маски рожа самодура, растаптывающего людей, взорвавшего атомную бомбу над своими сибирскими деревнями, мелькнула и снова спряталась под улыбкой добряка. Может быть, он сам страдал потом, что из него этакое поперло.

Поводом для скандала была процитированная В. Василевской моя фраза: "Гениального Пастернака я считаю современником Лермонтова".

Услышав поток брани за спиной: "Господин Вознесенский, вон из страны!" - я не понял, кто это заорал. Не Хрущев же! Я, как и все

страной?! Или он пьян? Он же ничего не сечет". "Дурак и свинья" - вспомнились слова Пастернака о нем. Я обернулся к залу, ища понимания. В лицо орала перекошенная. Осталась последняя надежда - вдруг стихи смогут образумить это ревущее стадо. Но Кремль - не Лужники. Ишь, "прынец" нашелся. Строка:

впервые угрозу высылки из страны, зная, что он оказался таким же сатрапом системы, в душе моей остался светлый образ Никиты Сергеевича, он остался для меня царем-освободителем. Я не держу на него зла за себя.

Как в анекдоте о вожде: "А мог бы и бритвой полоснуть!"...

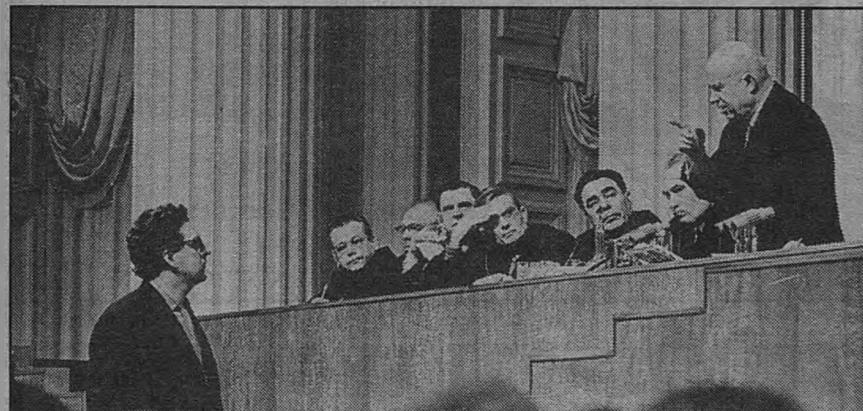

Г. Чухрай показывает президиуму картины "абстракционистов".

Диалог с художником И. Голицыным:

- Почему хлопал?
 - Я хлопал Вознесенскому, потому что люблю его стихи, и я не агент...
 - Да? А еще что ты любишь?
 - Я люблю стихи Маяковского.
 - Чем докажешь?
 - Могу наизусть прочитать.
 - А зачем на трибуну вышел?
 - Вы позвали.
 - Ну говори, если вышел.
 - Я не собирался выступать, я не знаю, что говорить.
 - А сам кто ты есть?
 - Я - Голицын.
 - Голицын? Князь? (Смех в зале).

- Я - художник.
 - Ах, художник! Абстракционист!
 - Нет, я реалист.
 - Чем докажешь, чем докажешь?
 - Я могу свои работы принести, показать...
 - Следующий!
 - Я советский человек. Не знаю, почему возник этот вопрос.
 - А вы подумайте. Мы сами можем хлопать, а где не надо - не хлопает.

"А сам кто ты есть?" - "Я - Голицын".

По стенограмме из архива ЦК КПСС:

Н. С. Хрущев: - Почему вы афишируете, что вы не член партии?! "Я не член партии" - вызов дает! Сотрем всех на пути, кто стоит против Коммунистической партии, сотрем!

Вы скажете, что я зажимаю. Я - Секретарь. Председатель. Прежде всего я гражданин Советского Союза, я боец и буду бороться против всякой нечисти. Мы создали свободные условия для пропаганды антисоветчины. Мы никогда не дадим врагам воли, никогда! Ишь ты какой - "я не член партии!". Он нам хочет какую-то партию беспартийных создать. Нет, вы член партии, только не той партии... Товарищи, идет борьба, борьба историческая, здесь либерализму нет места, господин Вознесенский!.. То, что Ванда Львовна сказала, - это вы сказали. Это клевета на партию! Для таких будут жестокие морозы... Мы не те, которые были в клубе Петефи, а мы те, которые помогли венграм разгромить эту банду... Ваши дела говорят об антипартийщине, антисоветщине. Вы говорите ложь!..

А. Вознесенский: - Нет, не ложь!
Х.: - Молоко еще не обсохло.

Ишь какой. Он поучать будет. Обожди еще!

Мы предложили Пастернаку, чтобы он уехал. Хотите, завтра получите паспорт, уезжайте к чертовой бабushке, поезжайте туда, к своим.

В.: - Зачем мне уезжать?

Х.: - Ишь ты, какие! Думаете, что Сталин умер... Мы хотим знать, кто с нами, кто против нас. Никакой оттепели: или лето, или мороз... Партия не дает вам права на молодежь и всегда будет бороться, чтобы она, партия, представляла старое и молодое поколение. И больше никто. Только одно сейчас - ваша скромность, скромность, если вы не перестанете думать, что родились гением.

В.: - Я так не думаю.

Х.: - Вы думаете. Вам вскружил голову талант, ну как же, родился "прынец", все леса шумят. Вы считаете, как только родились, то сразу руку подняли, хотите указать путь человечеству. Не хотите с нами в ногу идти, получайте паспорт и уходите. В тюрьму мы вас сажать не будем, но если вам нравятся Запад - граница открыта. Вы по своим стреляете...

Из воспоминаний М. И. Ромма:

Два выступления были ключевыми. Одно - донос в очень благородной форме о том, что Вознесенский давал интервью в Польше... и в этом интервью был задан вопрос, как он относится к старшему поколению и т. д., как с поколениями в литературе. И он-де ответил, что не делит литературу по горизонтали, на поколения, а делит ее по вертикали, для него Пушкин, Лермонтов и Маяковский - современники и относятся к молодому поколению. Но к Пушкину, Лермонтову и Маяковскому, к этим именам он присовокупил имена Пастернака и Ахмадулиной. И из-за этого разгорелся грандиозный скандал. ...Во время очередной перепалки, пока Вознесенский что-то пытался ответить, Хрущев вдруг прервал его и, обращаясь в зал, в самый задний ряд, закричал:

- А вы что скалите зубы? Вы, очкарик, вон там, в последнем ряду, в красивой рубашке!..

Читает, но не до чтения ему: позади сидит Хрущев, кулаками по столу движет.

Прочитал он поэму, Хрущев махнул рукой: "Ничего не годится, не годится никуда. Не умеете вы и не знаете ничего! Вы это себе на носу зарубите: вы - ничто."

Тут от этого крика хрущевского на Вознесенского всю эту толпу интеллигентов охватило какое-то странное, жестокое возбуждение. Это явление Толстой здорово написал в "Войне и мире", когда Ростопчин призывал убить купеческого сына и как толпа вся, друг друга заражая жестокостью, сначала не решалась, а потом стала убивать.